

Алекс Хилл

Она стала
его сокровенной
мечтой

Танцуй
со мной
в темноте

LIKE
BOOK

Алекс Хилл
Танцуй со мной в темноте
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»
Серия «Загадала», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60091561
SelfPub;
ISBN 978-5-04-251999-4

Аннотация

Заключительная часть дилогии «Я бы тебя не загадала» от Алекс Хилл!

– Ты – моя единственная проблема! – вскрикиваю я.
– А ты – истеричка! – с нажимом отвечает он.
– И ты собираешься жить с ней!
– Я же больной на всю башку! Каких осмысленных решений ты от меня ждешь?!

Недаром говорят: «Бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться».

Последнее желание Ани Никитиной вернуло в ее жизнь одного обаятельного "чёрта", который ей так важен и дорог, но легче от

этого не стало. И никогда не будет. По крайней мере, не с таким, как он.

Никита Клименко снова в городе, преследуя только одному ему понятные цели. Игры по его правилам продолжаются. Новая встреча, новые проблемы, новый раунд, а чувства все те же. Пугающие, пленительные, не поддающиеся контролю и отвергающие здравый смысл.

Действительно ли так важно, чтобы наши желания сбывались так, как мы того хотим? Или достаточно иметь человека, который вопреки всему будет стоять с тобой рядом и любоваться на падающие звезды, каждый раз загадывая лишь тебя?

«От ненависти до любви», «тронешь ее и тебе конец», «горячая драма», «серая мораль», «он знает ее секрет», «стекло», «второй шанс». Шикарный слог автора, яркие персонажи, безупречное художественное оформление влюбят в себя каждого. «Танцуй со мной в темноте» – чувственная история о том, что любовь можно найти даже в хаосе. Настоящий дарк роман.

Алекс Хилл – потрясающий автор молодежной прозы, чей тираж перевалил уже за отметку 420 тысяч проданных экземпляров.

«Честная, обжигающая история о двух раненых сердцах, которые способны исцелить друг друга. Вместе они пройдут через боль, страх и темноту прошлого. Эта книга подарит бурю эмоций, мурашки и веру в то, что любовь способна усмирить любых демонов – даже самых стойких». – dexie.books

Читать в серии: «Передружба. Недоотношения», «Передружба. Второй шанс», «Передружба. Поймать свободу», «Худшие подруги», «Она мне не сестра», «Метод книжной героини», «Она любит плохих парней», «После тебя только

пепел», «Найди пять отличий», «Это всегда был он», «Риша решает!», «Почему нет?», «Без любви не считается», «Это снова ты», «Я бы тебя не загадала».

Для поклонников историй Аси Лавринович, Анны Джейн, К.О.В.Ш., Эмили Грин.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Плейлист:	8
Глава 1	9
Глава 2	36
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Хилл

Танцуй со мной в темноте

Художественное оформление Янины Клыга

В дизайне внутреннего блока использованы элементы оформления:

© Avector / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Хилл А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается... мне.

Справилась на морально-волевых.

Так держать.

Плейлист:

Hate Me If You Must – Azizi Gibson

По камушку – Settlers

Сначала – Green Heart

Слишком быстро – Дворецкая

Ничего не изменится (Slowed) – Кирилл Мойтон

Завяжи мне глаза – rozalia

Космос – Скриптонит

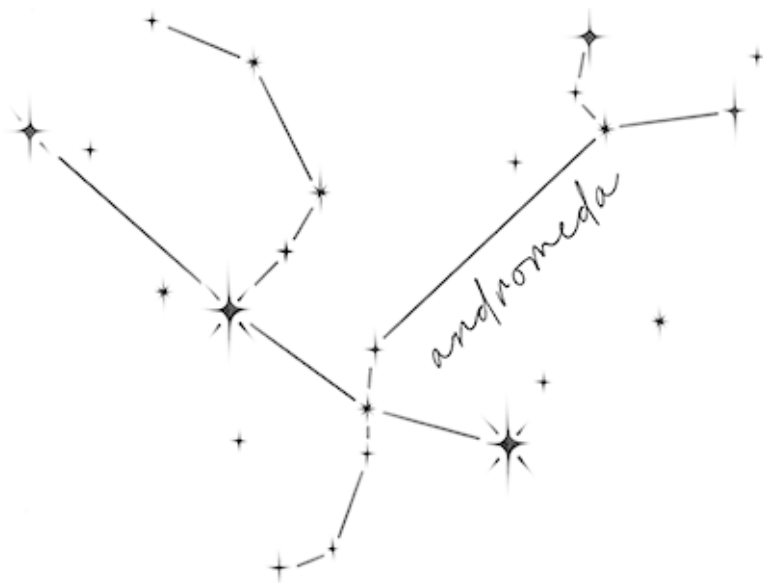
Рушу – Elvira T

Без тебя невозможно – Nebozhitel

К тебе – Z1Y1X1

Танцуй со мной в темноте Old version – SMOGWIN

Глава 1

POV Аня

«Все, что ты не меняешь, ты выбираешь». Так мне сказал один знакомый черт, который сначала прикидывался другом, затем парнем, а в итоге бросил и сбежал туда, где теплее. Хотелось бы пошутить про ад, но, вероятно, Никита просто

вернулся на юг. На прощание он оставил мне внушительную дыру в груди и кожаную куртку. Особая забота Никиты во всей красе – выпотрошить и прикрыть, чтобы не продуло. А еще мне перешел черный огонь, который в нашу последнюю встречу я ошибочно приняла за свой собственный. Наивная. Это пламя *его* принципов, *его* нестигаемой воли, непоколебимости в решениях и уверенности в себе: всем этим Никита извращенно-любезно поделился со мной. Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как он уехал, оборвав все контакты, и я до сих пор не разобралась, что именно чувствую к нему. Чего больше: влюбленной ненависти или же ненавистой любви? Но важнее всего другое – благодарность, она уж точно искренняя и чистая. Как бы там ни было, Никита многому меня научил: заставил открыть глаза и смело взглянуть в лицо страху, помог найти опору, чтобы снова встать на ноги, показал и доказал, что я могу быть той, кем сама решу. Не задаром, разумеется, – сделки с представителями преисподней всегда чего-то стоят. Я заплатила сполна, отдав на растерзание собственное сердце. Жалею ли? Ничуть. Черный огонь греет меня до сих пор и без присутствия хозяина. Он со мной и уже действительно *мой*. Я постепенно учусь управлять этой силой, намереваясь изменить все то, что больше мне не подходит.

– Аня, еще долго? – ворчливо спрашивает мама.

Туго завязываю очередной мусорный мешок и осматриваю крошечную спальню, что хранит воспоминания о дет-

стве и школьных годах. Меня тошнит от этой комнаты, от этой квартиры и города. После окончания второго семестра было всего два варианта: вернуться к родителям на летние каникулы и потратить время впустую или найти работу с жильем, чтобы без крайней необходимости не появляться в родном клоповнике. Я остановилась на втором.

– Нет, – сухо отвечаю я матери и встаю, отряхивая пыльные ладони. – Почти закончила.

– Давай скорее, мы так на автобус опоздаем, – недовольно цедит она и оставляет меня одну посреди хлама, который когда-то был моей жизнью.

Еще раз критически оглядываю спальню: узкая кровать, застеленная фиолетовым покрывалом с прожженным следом от плойки, письменный стол, обклеенный стикерами с персонажами мультфильмов, книжный стеллаж, где сиротливо лежат лишь несколько томов русской классики. Большую часть книг из моей коллекции пришлось продать, чтобы организовать подобие финансовой подушки, но это ничего, как только встану на ноги, начну собирать заново. Уверившись, что ничего не забыла, хватаю пару набитых до отказа сумок и выхожу в коридор. Отец рассеянно топчется у входной двери, мать суетливо поглядывает на часы.

– Вам необязательно ехать со мной, – в который раз повторяю я.

– Конечно обязательно, – раздраженно отмахивается мать. – Думаешь, сняла квартиру и сразу взрослая стала? А

вдруг это мошенники какие-то?

– Это не мошенники.

– Да что ты? Я должна поверить тебе на слово?

– Я же сама буду платить за эту квартиру.

– А кредит на учебу тоже будешь сама платить?! Одевать себя, обувать? – выплевывает она, лишая меня возможности продолжить спор.

– Мы идем или нет? – отчужденно вздыхает отец.

– Идем! – грохочет мать.

Она распахивает дверь и переступает порог, отец выходит следом. Тащусь за ними, натужно пыхтя и сжимая ручки тяжелых сумок. Родительская поддержка и помощь, конечно, бесценны.

Два с половиной часа пути в душном автобусе по авто-трассе мимо зеленых полей, и вот мы уже в другом городе. Двадцать минут в такси от вокзала до тихого двора много-этажных кирпичных домов. Недолгая поездка в тесном лифте на шестой этаж, звонок в дверь. На пороге квартиры появляется улыбчивый светловолосый парень и приветливо выдает:

– Здравствуйте! Прошу, проходите, осматривайтесь.

Он отступает, пропуская нас внутрь. Родители расхаживают по небольшой студии, задают арендодателю вопросы, на которые тот бойко и четко отвечает. Квартира принадлежит его родственнику, который давно переехал в столицу, здесь нет насекомых и другой живности, приятные соседи,

рабочая техника, приличная мебель. Мать остается довольна допросом и молча наблюдает, как я подписываю договор аренды и отдаю деньги за первый и последний месяцы проживания.

– Если ко мне больше нет вопросов, то я пойду, – щебет арендодатель и передает мне комплект ключей. – Добро пожаловать домой, Аня. Будут какие-то проблемы, не стесняйся обращаться ко мне.

– Спасибо, Василий. Обязательно, – отвечаю я, не без труда сдерживая ироничную ухмылку из-за нашего небольшого представления.

Я решила не посвящать родителей в некоторые детали своих жизненных перемен. Например, умолчала о том, что эта квартира принадлежит отнюдь не незнакомцу, а приятелю моего хорошего друга. Вряд ли мать оценила бы общение с парнем на десять лет старше и точно не поверила бы в его безобидность, а так мы все получаем то, чего хотим. Родители – подтверждение безусловности их контроля надо мной, а я – послабление поводка, чтобы чуть позже, когда буду готова, сорваться с него насовсем.

– Анастасия Григорьевна, Валерий Михайлович, – почти-тельно кивает на прощание Вася и удаляется, остановившись у двери на мгновение, чтобы хитренько подмигнуть мне.

Прячу довольную улыбку, опустив голову. Мать постукивает пальцами по столешнице и критично резюмирует:

– Недурно. Да, Валер? Первая квартира, где жили мы, бы-

ла, кажется, вдвое меньше.

– Угу, – безразлично отзывается отец.

– Даже странно, что арендная плата такая низкая, – похоже, хозяин не слишком нуждается в деньгах. Везет же людям! Некоторые всю жизнь горбятятся на долги и аренду, а другие купаются в беззаботной роскоши.

Ни я, ни отец никак не реагируем на завистливые рассуждения матери. Мы слышали их столько раз – не сосчитать. Она обожает такие разговоры, особенно под вино: всем вокруг хорошо, и только на ее долю выпало невыносимое количество испытаний. Непослушный ребенок и непутевый муж в том числе. И это она еще не знает, что аренда для меня ограничивается оплатой коммунальных платежей и поддержанием чистоты, а взнос за проживание Вася вернет при первой встрече.

– Ну что, Аня, поздравляю. – В голосе матери ни капли радости, лишь сухой треск нервов. – Только это не значит, что ты теперь можешь делать все что вздумается. Мы согласились, чтобы ты могла устроиться на работу и снять с нас часть трат на тебя, а не вернуться к гулянкам. Если я узнаю...

– Не узнаешь, – обрываю я пренебрежительно и тут же исправляюсь: – Нечего будет узнавать. Я собираюсь усердно работать, сдать оставшиеся экзамены и прилежно готовиться к новому семестру. Это все.

Она прищуривается, осыпая меня колючками недоверия, но они сгорают, так и не коснувшись кожи. Эти люди, что

сидят сейчас со мной за одним столом, подарили мне жизнь, воспитали, как могли, и вырастили, но я сама не знаю, как отношусь к ним. Часть меня, маленькая и хрупкая, все еще видит авторитетных взрослых, ждет тепла, заботы и защиты, нуждается в одобрении. Но другая, собранная из болезненного опыта, злобы и разочарований, наблюдает перед собой лишь мутные помехи, лишённые ценности, но не выгоды. Я до сих пор изображаю примерную дочь только по одной причине – мне нужно время, чтобы как следует подготовиться к самостоятельной жизни: набраться опыта и заработать денег.

– Надеюсь, что так, – холодно произносит мать. – Хоть раз хотелось бы рассказать о тебе с гордостью. Официантка в детском кафе, конечно, не самая престижная должность, но лучше, чем ничего.

Слова хлестче пощечины. Продолжаю смотреть в глаза матери, которые никогда не видели меня полностью, лишь мельком, и сдержанно киваю, подтверждая еще одну ложь. Нет никакого детского кафе, а работать я собираюсь совсем не официанткой, хотя по специфике довольно близко.

– Нам пора. Обратный автобус через полчаса, – объявляет отец, которому, очевидно, плевать на происходящее. Он, как глухой и слепой пес, не лает, не охраняет, просто существует в каком-то своем мире, дожидаясь очередной кормежки.

– Я провожу! – С энтузиазмом вскакиваю на ноги, и как только закрываю за родителями дверь, с облегчением выдыхаю.

Наконец-то я одна. И я дома.

Разворачиваюсь, делаю несколько неспешных шагов к центру комнаты. Яркое летнее солнце бьет в окна, заливая все вокруг золотистым свечением. Взгляд медленно скользит по предметам интерьера: большой шкаф, комод, двуспальная кровать, узкий стол в зоне кухни, кофемашина, пепельница на подоконнике. Кожа покрывается мурашками, в груди ощутимо жжет. Надо бы разложить вещи, навести немного уюта, и станет полегче. Теперь это моя квартира, никакой нечисти, только я и драгоценные воспоминания, приносящие одновременно и радость, и печаль.

Через несколько часов, когда сумки пустеют, а мышцы спины ноют, сталкиваюсь с последней дилеммой. Сжимаю мягкую кожу куртки, подношу воротник к носу и глубоко вдыхаю, прикрыв глаза. Аромат сигаретного дыма, парфюма и летнего дождя отправляет в эмоциональный нокаут мгновенно, а соблазн повесить куртку Никиты на крючок у двери слишком велик. Восхитительная иллюзия, будто он где-то неподалеку, ушел решать свои демонические дела и совсем скоро вернется. Ко мне. К нам. Надеваю куртку, подхожу к открытому окну и нащупываю в кармане пачку сигарет и зажигалку. Достая их, закурываю, глядя вдаль. Интересно, о чем думал Никита, сидя здесь ночами? Разрабатывал свои хитрые планы, просчитывал манипулятивные ходы? А может, мечтал? Он вообще на это способен? Есть ли у него желания? Что там может быть, помимо безграничного запа-

са коньяка и освобождения от уголовной ответственности? Где он живет теперь? Чем занят? Вспоминает ли обо мне? В горле першит от дыма, но я делаю еще одну затяжку, а затем снова и снова до тех пор, пока табак не сгорит до фильтра. Тушу окурок в пепельнице, убираю пачку сигарет, где осталась всего пара штук, и зажигалку обратно в карман. Снимаю куртку и запираю ее в шкафу вместе с десятками вопросов, что адресованы тому, кто ушел из моей жизни, но прочно закрепился в мыслях.

Вибрирует телефон, брошенный на столе. Иду к нему, имя на экране вызывает взволнованную улыбку.

– Слушаю, товарищ начальник! – отвечаю я на звонок.

– Очень смешно, – бурчит Максим. – Ты там еще не передумала?

– Никак нет! Готова к труду и обороне!

– Всем бы твой энтузиазм.

– Могу поделиться.

– Вряд ли мне это поможет, – напряженно вздыхает он. –

Официальное открытие через неделю, но уже послезавтра начинаем работать в техническом режиме. Хочешь первую смену?

– Спрашиваешь еще, – радостно отвечаю я.

– Дневную или ночную?

Теплый июльский вечер окутывает сквер сладкими ароматами цветов. Мы с Васей сидим на скамейке рядом с огромной яркой клумбой, болтаем и едим мороженое. За последний месяц из-за работы времени на дружеские встречи у меня почти не было, вдобавок Вася на две недели уезжал в отпуск на побережье. Новостей у обоих накопилось немало, и мы все трещим и трещим, не замечая ничего вокруг, но тут меня отвлекает пикинувший телефон.

– Извини, – говорю я и читаю сообщение от Иры, которая просит подменить ее сегодня.

– Аня-а-а, – неодобрительно тянет Вася, заглядывая в экран. – Какого рожна ты соглашаешься?

– Мне не трудно, да и деньги не лишние.

– Сколько смен подряд ты уже отработала?

– Эта будет четвертой, – отвечаю я беспечно и читаю бурные благодарности от коллеги.

– А сколько выходных у тебя было в этом месяце? – продолжает допытываться Вася.

– Мм... два, вроде.

– Думаешь, это нормально?

– Вась, не начинай, – отмахиваюсь я. – Все в полном порядке.

– Нет, не в порядке. Тебе нужно отдохнуть, – серьезно за-

являет он. — А этой неженке передай, что примы пляшут даже во время месячных. Пусть запихнет тампон поглубже, выпьет обезбол и топают на работу.

— Посмотрела бы я, как здорово помогают тампоны и обезболивающие, если раз в месяц тебе ломали бы нос, а кровотечение не останавливалось всю следующую неделю.

— Ладно, не руби мне голову, кровавая королева. Месячные — отстой, не спорю, но у тебя свидание через два часа, — напоминает Вася и засовывает в рот фруктовый лед на палочке почти целиком. — Иви ты забыва?

— Выплюнь, шпагоглотатель, мозги замерзнут. — Я иронично ухмыляюсь. — Ничего я не забыла, просто придется перенести встречу.

— Опять?! — Вася угрожающе тычет в меня деревянной палочкой, которая, к моему счастью, не обладает магическими свойствами. — Так же нельзя!

— Кто сказал?

— Солнце, хватит мучить парня. Недоступность привлекает, но с этим лучше не заигрывать.

— Никто его не мучает. И уж точно не держит. Если что-то не нравится, то...

— Ты! Ты ему нравишься! — строго перебивает Вася. — Кто бы еще в здравом уме терпел такое количество прокатов? Может, стоит уже дать ему шанс? У вас там полный комплект сотрудников, почему пашешь только ты?

Отворачиваюсь, недовольно засопев, и едва не давлю в ру-

ке вафельный рожок. Не люблю, когда Вася такой. За последние четыре месяца мы с ним по-настоящему сдружились, и разница в возрасте ничуть не мешает нам общаться на равных. Но иногда из-за образа несуразного парнишки, который получил от меня ласковое прозвище Василий Ясно Хренушка, выглядывает рассудительный и серьезный Василий Иванович Тышкевич и принимается отчитывать меня со всей строгостью.

– Потому что ребята просили их подменить, а мне все равно нечем больше заняться, – оправдываюсь я.

– Серьезно? А этот Матвей для тебя шутка какая-то?

– *Этот Матвей*, – язвительно передразниваю, – просто знакомый. То, что он пару раз позвал меня гулять, еще ничего не значит.

– Пару?

– Немного больше двух.

– Ага, совсем немного. Раз пять или шесть.

– Вася, отстань!

– А то, что он приходит почти на каждую смену и сидит с тобой до ее окончания, подвозит домой и все такое?

– Ну вот видишь, мы общаемся. В чем проблема?!

– Не строй из себя дурочку, а из меня дурака. Мы оба знаем, в чем... точнее, *в ком* у нас проблема.

Молчу, Вася подсаживается еще немного ближе и заговаривает куда более степенно:

– Солнце, не стоит ждать его. Гиблое дело.

– Думаешь, я не запомнила за предыдущие триста раз, когда ты это говорил?

– Мало запомнить, нужно понять и принять.

– Я поняла.

– А приняла?

Поглядываю на Васю, в его глазах все, что одновременно греет и рвет мне сердце: сочувствие и поддержка, а еще уверенность в том, что он прав. Как бы сильно мне ни хотелось удержать то, что нас когда-то связывало с Никитой, нить уже оборвана и сожжена дотла с одной из сторон.

– Не уверена, что уже готова к новым отношениям, – признаюсь я смущенно. – Матвей неплохой, но что-то... что-то не так...

– Сложно пересесть с «харлея» на трехколесный велосипед, – с пониманием кивает Вася. – Солнце, ты же знаешь, мне начхать на этого Матвея. Хочешь играть с ним? Пожалуйста. Решишь использовать и послать? Окей. Но я не могу смотреть на то, как ты упахиваешься, лишь бы больше ничего не видеть и не чувствовать. Работа – это хорошо, тебе она нравится, у тебя там все получается. Я безумно горжусь, но отдых тоже важен. Жизнь, она в другом, понимаешь? Должно быть что-то еще: маленькие радости, безделье, время только для тебя и беззаботного веселья. Подумай об этом, ладно?

Вася вглядывается мне в глаза, и я невольно расслабляю плечи, выходя из оборонительной позиции.

– Знаешь, ты был бы отличной матерью.

Он игриво выгибает брови и говорит уже в своей привычной клоунской манере:

– Одно слово, пупсик, и я буду кем угодно!

Тычу в загорелую щеку подтаявшим фисташковым пломбиром, рассмеявшись. Вася собирает мороженое пальцами, облизывает их, причмокивая, и тянется к моему рожку.

– Как вкусно! Вот это да! Ну-ка дай еще!

– Облезешь! – кричу я, уворачиваясь.

– Не жадничай, засранка! Я бы с тобой поделился!

– Не стала бы я брать в рот то, что уже побывало в твоём!

Доедаю мороженое в несколько укусов, набив полный рот.

Щеки мигом стягивает от холода, глаза наливаются слезами.

Вася сокрушенно ругается, не стесняясь в выражениях, а я смеюсь до икоты и судорог в животе. Если в моей жизни и остались радости, то дружба с этим чудом точно одна из них.

К половине седьмого я добираюсь до работы. Взгляд по привычке тянется к вывеске, губ касается тоскливая улыбка. «Бешеная свинка» уже совсем не та: вместо неказистой неоновой пороссячьей морды над заведением красуется модная хрюшка в темных очках вместе с хлестким названием *Bad pig*¹. И это только малая часть изменений. Караоке было продано еще в конце весны, и вместе с новым владельцем пришел новый формат работы и обслуживания. Теперь

¹ Плохая свинья (англ.).

днем это мясной ресторан, а ночью караоке-бар, но уже не такой гадюшный, как раньше. Персонал выходит в две смены: с одиннадцати дня до семи вечера и с семи вечера до трех утра. Некоторые из работников остались, но новичков гораздо больше: администраторы зала, повара, официанты, бармены, музыканты, охранники. Только ребрендинг и косметический ремонт не заставят меня забыть, каким это место было раньше, как много оно для меня значило и значит до сих пор.

Я все еще чувствую здесь Никиту. Ощущаю пристальный взгляд из темноты, находясь за стойкой бара, слышу недовольное ворчание в ругательствах повара Радика и смех в шутках охранника Дениса. Вспоминаю о нем, когда смотрю на собранного и ответственного Максима, получившего должность управляющего, или когда диджей Женя ставит треки, которые Никита Сергеевич окрестил приемлемыми. Он просочился в каждого из нас, оставил след. Теперь я понимаю, почему так много людей считают Никиту другом без очевидной взаимности. Он грубый, резкий, циничный, от него не дождешься сюсюканья или душевной поддержки, но если он может что-то исправить или помочь, то сделает это, не дожидаясь просьб и не задавая вопросов. Вася, возможно, прав, говоря о том, что мне стоит отпустить Никиту и жить своей жизнью, а не копировать его, но дело в том, что я не могу, да и не хочу. Все, что у меня сейчас есть, появилось благодаря ему. Я смогла загадать его, но не разгадать,

зато он сделал это со мной в два счета: вывернул наизнанку, очистил от грязи, испачкавшись сам, и исчез. Не знаю, наказание это или освобождение, но представить, что ничего не было, выше моих сил. И если все, что я могу, – это помнить или забыть, то, не раздумывая, выбираю первое.

Захожу в переулок и спешу к служебному входу, у которого натыкаюсь на удивленную гримасу здоровяка Дениса.

– Привет, кнопка. А ты здесь каким судьбами? Разве у тебя не выходной?

– Привет. Был да сплыл. Я сегодня Иру подменяю.

– Опять?

– Дэн, давай только ты не начинай, – отвечаю я, досадливо прицокнув, и шагаю к двери, но охранник неожиданно преграждает мне путь. – Это еще что? Паспорт показать?

– А Максим в курсе замены?

– Думаю, Ира его предупредила. А что?

– Да так... – подозрительно задумчиво отзывается Денис. – Ты зайди к нему на всякий случай. Ладно?

– Ладно, – соглашаюсь я и дружески интересуюсь: – У тебя все нормально?

– Да-да, все отлично, – бодро кивает он.

– Пройти-то дашь?

– Угу. Заходи.

Охранник отступает в сторону, нырнув рукой в карман черных брюк, и достает мобильный. Денис кажется неоправданно напряженным, хотя у него жена вторым беременна,

волнений наверняка в избытке. Спускаюсь по лестнице в цо-
кольное помещение, в нос мигом бьет запах еды, слышится
брань Радика, муштрующего своих поварят. Надо будет чаек
успокоительный заварить всей компании, но сначала стоит
переодеться. Заскакиваю в каморку для персонала и натяги-
ваю рабочую форму: черная рубашка с золотистой вышив-
кой, что повторяет логотип заведения, узкие укороченные
брючки и кеды на высокой подошве, которые помогают мне
не выглядеть лилипутом за барной стойкой. Перед выходом
смотрю в зеркало у двери, поправляя растрепанные волосы.
Смена их черного цвета далась нелегко, – повезло, что лы-
сой не осталась после четырех кислотных смывок. И все-та-
ки Вася прекрасный колорист. Пусть бóльшую часть волос
пришлось срезать и теперь они едва ли достают до плеч, но
отливают теплым карамельным оттенком, а не болотной зе-
ленцой. Провожу пальцами под глазами, смахивая крошки
туши, и, оставшись довольной обликом, отправляюсь на ко-
вер к начальнику, только у двери в кабинет привычно мед-
лю. Каждый раз, когда подхожу сюда, в мыслях только одно
– что, если я войду и увижу Никиту, вальяжно сидящего за
столом? Сигарета в зубах, взъерошенные темные волосы, по-
рочный взгляд, холодная отрешенность на чертовски краси-
вом лице. Он наверняка сказал бы какую-нибудь пошлую га-
дость, а я начала бы взбешенно заикаться в поисках достой-
ного ответа. *Мечты-мечты...* Что-то сегодня воспоминаний
даже больше, чем обычно. Полнолуние, что ли? Пора пере-

ключаться с сентиментального режима в рабочий.

Тяну за ручку двери, переступаю порог и с ходу заявляю:

– Работник месяца – Анна Никитина – прибыла!

– Что? – озадаченно вопрошает Максим, отрываясь от компьютера. – У тебя выходной.

– Теперь он у Иры. – Развожу руками и весело улыбаюсь. – Разрешите приступить...

– Не разрешаю, – строго обрывает Максим, стягивая с носа очки для компьютера. – Ты сейчас же идешь домой.

– А за бар кто встанет? Ты? – Мой тон тоже становится серьезнее.

– Надо будет, встану.

– Но...

– Аня, я не шучу, ты сегодня не работаешь. И чтобы это был последний раз, когда вы самостоятельно тасуете смены. Ясно?

Глупо хлопаю ресницами, не ожидав такого враждебного приема. Мы с Максимом в хороших отношениях – не то чтобы в дружеских, но точно в приятельских. Когда я пришла на собеседование, он принял меня более чем радушно: поручился за неопытную девчонку, отстажировал, научил всему, что я сейчас знаю относительно барменского ремесла, и ни разу не обидел ни словом, ни делом. Я прекрасно знаю, как он волновался перед открытием, как старается сейчас, и не стала бы просто так сомневаться в его авторитете, но ситуация до крайности глупая.

– Тебе Вася настучал, да? Или Дэн? – Подступаю к столу, злобно сощурившись.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Тогда что это за показательное выступление? Иры сегодня не будет, а я здесь и готова к смене.

– Ты не можешь работать за всех барменов. У вас есть согласованный график.

– Хорошо, я тебя услышала, впредь мы будем придерживаться графика, а все замены только с твоего одобрения. Теперь я могу идти?

– Можешь. Домой, – настойчиво повторяет он.

Оскорбленно вспыхиваю. Впервые вижу, чтобы сотрудники, который хочет работать, не позволяли это делать.

– Только если ты меня уволишь, – произношу мрачно-серьезно.

– Аня...

– Давай, – подначиваю я, не повышая голоса, но звучит он более чем уверенно, – всего одно слово, и я уйду.

– Слушай, я же о тебе беспокоюсь. Не хочу, чтобы ты выгорела вот так сразу.

– О-о-о, как мило, – тяну иронично и для пущего эффекта выпячиваю нижнюю губу. – Спасибо большое, но я вообще-то в состоянии позаботиться о себе. Мне нужны деньги, нужен опыт и стаж, и ты, как никто, должен понимать, почему я беру все смены, которые могу.

Он нервно втягивает носом воздух и качает головой. За

время стажировки мы немало узнали о трудностях жизни друг друга. У Максима куча долгов и требовательная невеста, которая ждет свадьбу мечты. Он, наверное, даже в более уязвимом положении, чем я, но это не дает ему права определять мой предел выносливости.

– Я поставлю тебе эту смену как отработанную, – предлагает Максим.

– Подачки мне не нужны, – отрезаю я и, круто развернувшись, шагаю к двери.

– Куда ты?

– За бар. Дай знать, если все-таки решишь уволить, а я пока сменю ребят.

– Аня...

– Что? – Оглядываюсь, прижимая подбородок к плечу. – Прямо сейчас заявление написать?

– Ты такая же невыносимая, как... – Максим осекается, так и не договорив, но мы оба знаем, с кем он собирался меня сравнить. И в данном случае это скорее комплимент.

Продолжаю сверлить начальника упрямым взглядом, давая понять, что не отступлю и не приму особого отношения.

– Ладно, иди работай, – нехотя сдается он.

– Кофе принести? – спрашиваю уже не так агрессивно.

– Не откажусь, – приглушенно отзывается он и берет в руки телефон, принимаясь бегло набирать кому-то сообщение.

Ну точно полнолуние, у всех крыша едет. Максим, наверное, снова с Наташей поссорился, вот и рычит, бедолага. А

невеста у него, если откровенно, та еще сука. Она заходила к нам пару раз, – самомнение выше стратосферы, замашки царицы, а говор как у избалованной десятилетки. Не представляю, что нашел в ней Максим, помимо милого личика и тела порнозвезды, но если вспомнить, в кого я сама влюблялась, судить уже как-то лицемерно.

Выхожу в основной зал, присматриваясь к гостям. Людей за столиками немного, за баром и вовсе никого. По четвергам обычно так и бывает, основной наплыв приходится на пятницу и выходные, но раз на раз не приходится. Ловлю приветливую улыбку Жени, стоящего за диджейским пультом, и прохожу за стойку, где уже лениво вертится мой сегодняшний напарник – Никита. Черт прозвал его «клубничным», я же зову просто Ник. Вместо приветствия протягиваю ему кулак, получаю легкий тычок по костяшкам и раздражающее удивление на миловидном лице.

– Если ты сейчас скажешь, что мне нужен выходной, клянусь, я изобью тебя мадлером² до полусмерти, – предупреждаю грозно.

– Понял, – кивает он. – И я рад тебя видеть, Аня.

Натянуто улыбаюсь и отхожу к кофемашине, чтобы приготовить американо для Максима. Ник становится рядом, очевидно намереваясь завести разговор, но не знает, как начать, поэтому без конца поправляет длинную русую челку. И зачем только отрастил? Не похож ведь ни капли. Да и все его

² Пестик-толкушка для изготавливания коктейлей.

попытки вести себя дерзко и нагло выглядят совсем неубедительно.

– Что с Иррой? – наконец-то спрашивает Ник.

– Я ее съела. – Едко ухмыляюсь, тыча пальцем в кнопку кофемашины.

Аппарат гудит, черный кофе льется в чашку, а напарник нервно напрягает челюсти.

– Ну говори уже, – подталкиваю я, хотя примерно догадываюсь, в чем дело.

В нашу прошлую совместную смену Ник с каких-то чудес решил за мной приударить. И я-то думала, что это просто рабочие шутки, поэтому не обращала особого внимания, но когда он попытался поцеловать меня в комнате для персонала, стало уже не до смеха.

– Ты все еще злишься?

– А ты все еще хочешь пофлиртовать со мной? – задаю свой вопрос.

– Одного твоего удара хватило, чтобы понять – больше не стоит.

– Вот и славненько, – елеино отзываюсь я, добавляю кипятка в эспрессо и вручаю чашку напарнику. – Отнеси Максиму, пожалуйста.

– Это значит, мир?

– Мир, – сухо соглашаюсь и боковым зрением замечаю гостя у бара.

Спешу к мужчине, чтобы принять заказ, наливаю виски

в бокал и с доброй улыбкой ставлю на стойку. Чуть погодя выходит чек на четыре мохито, потом еще один – сет авторских настоек. Рабочая рутина затягивает, в голове крутятся технологические карты напитков³, сосредоточенность выкручивается на максимум. После обновления в барной карте теперь более пятидесяти позиций, двадцать пять из них – коктейли, начиная с классики и заканчивая лютым авангардом, о котором я сама никогда бы не додумалась. И все-таки в этом что-то есть, какая-то особая магия с элементами творчества и актерского мастерства. Я пока не слишком хороша и во многом уступаю коллегам, ведь практического опыта у них куда больше, но прикладываю все силы, чтобы поскорее наверстать. Важно не просто готовить напитки и улыбаться всем подряд, – сервис в деталях: замечать настроение гостей, оценивать их финансовые возможности, увлекать и заинтересовывать, помогать расслабляться, веселить, подбадривать. Почти цирковое представление – одна ошибка, и тебе откусит голову пьяный тигр.

После полуночи гостей становится больше. Музыка звучит громче, освещение тускнеет. Больше никакого цветного неона, только теплое сияние бра, торшеров и хрустальных люстр. Вульгарные кожаные диваны и крупные столы

³ Технологическая карта напитков – это документ, который содержит рецептуру, описание технологического процесса приготовления, требования к качеству, оформлению, подаче, хранению и другим параметрам напитка. Она используется в заведениях общественного питания для обеспечения единообразия приготовления, контроля качества и соблюдения санитарных норм.

тоже исчезли, теперь на их месте велюровые кресла на резных ножках и деревянные круглые столики, а ВИП-зона для больших компаний скрыта кованым ограждением в готическом стиле. Перед баром появляется наша певчая птичка Рита и просит приготовить чай. Бодро киваю и достаю банку с травяным сбором, как вдруг Ник забирает ее у меня.

– Давай я сделаю, – предлагает он.

– Она замужем, – напоминаю я о семейном положении Риты.

– Знаю, Аня, просто тут пришел кое-кто.

Оглядываюсь и вижу знакомую клетчатую рубашку, лучезарную улыбку и заинтересованный блеск светлых глаз.

– Значит, теперь тебе нравятся пай-мальчики? – говорит напарник рядом с моим ухом, очень плохо, но стараясь копировать манеру разговора Никиты.

Как же меня это достало. Я все понимаю, подражание – высшая степень восхищения, но разве этот пацан вообще знает Никиту? Я вот знаю. И могу изобразить его куда лучше.

– Тебя ебать не должно, кто мне нравится, если это не ты, – отвечаю хлестко, покосившись на Ника. – Еще вопросы?

– Фига себе! Прямо один в один! – пораженно произносит он. – Дашь пару уроков?

– У тебя все равно не получится, – небрежно бросаю я и направляюсь к знакомому, что последние три недели очень

активно набивается мне в друзья. По крайней мере, он так говорит. – Неожиданно! – повышаю голос, остановившись перед Матвеем.

– Если гора не идет к Магомеду, значит, Магомед лох! – весело выдает он.

– Гора работает! И она извинилась!

– Да все в порядке! Я просто мимо проезжал и подумал – зайду, поздороваюсь!

«Ага, как и в прошлые семь раз», – язвительно отвечаю про себя.

На самом деле Матвей приятный парень: смешливый, забавный, симпатичный, неглупый. Мы одноклассники, учимся в одном универе, но на разных специальностях. Нам есть о чем поболтать, и мне в большинстве случаев комфортно общаться с ним, но... есть это чертово «но», с которым я еще не разобралась.

– Ну привет, Магомед! Давай угощу тебя! Чай, кофе, лимонад?! Или ты сегодня не за рулем?!

– А к чему из этого прилагается беседа с очаровательным барменом?!

– Надо у него спросить!

Матвей смеется, а я улыбаюсь, сама затрудняясь определить, насколько это искренне. Барная стойка, хочешь или нет, меняет тебя, – оказавшись по другую сторону от гостевых стульев, ты всегда немного притворяешься.

– Лимонад! – озвучивает Матвей.

– Малина и лайм или груша и финики?

– Малина!

– Пару минут! – обещаю я и приступаю к делу.

Тут же приходит заказ на два коктейля. Готовлю сперва их и собираюсь поставить на край бара, чтобы не задерживать официантов. Разворачиваюсь, делаю шаг и вздрагиваю, точно стукнувшись об электрическое поле. Стаканы выскальзывают из рук, падают под ноги, разлетаясь осколками и пачкая кеды, но я продолжаю смотреть ровно перед собой. У подножия лестницы стоит он, мой самый жуткий кошмар и самая желанная фантазия. На лице привычная скука, длинная темная челка прикрывает лоб, простая черная футболка и джинсы подчеркивают стройную высокую фигуру. Внимание черта, что, бесспорно, приковано ко мне, пронзает толстыми крюками кожу: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я так долго ждала этого момента, мечтала о нем, но сейчас понятия не имею, как себя вести. Кто мы теперь: знакомые, бывшие любовники, друзья, враги? Не знаю, не могу вспомнить, и как бы ни было стыдно признавать, мне снова до дрожи страшно. А глаза у страха темно-карие.

Никита медлит еще пару мгновений, словно нарочно издеваясь, и неспешно приближается, неся с собой ленивую уверенность и мешок пренебрежения, которым варварски оглушает меня уже в следующую секунду.

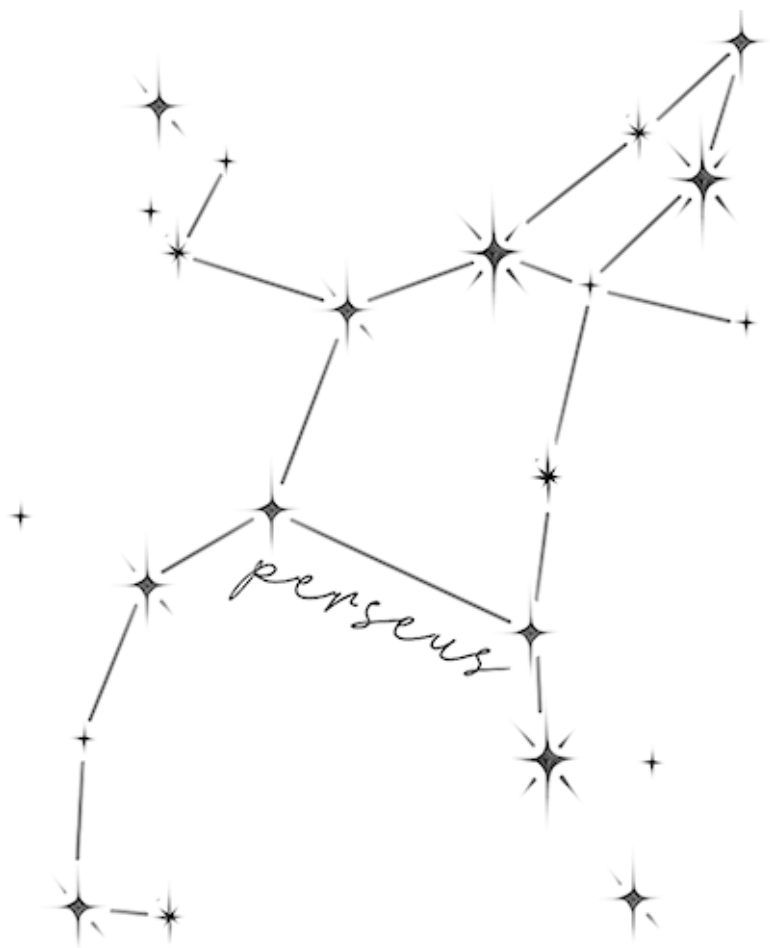
– Поздравляю с приобретением. – Его голос легко заглушает музыку и шум.

– Что? – глупо уточняю я.

– Ты только что купила два коктейля вместе с бокалами, – недовольно поясняет он. – Убирай и переделывай, гости ждут.

Никита уходит в сторону кабинета, а я бросаюсь к шкафу, где хранится инвентарь для уборки, чтобы не выглядеть еще тупее. Сметаю осколки в совок щеткой, но по ощущениям будто слизываю языком. За эти четыре месяца я придумала себе очень удобную сказочку, где свято верила в наше счастливое воссоединение. Надеялась так отчаянно, что умудрилась забыть – Никита далеко не принц, да и я не принцесса. Дура. Обычная влюбленная дура, которой только что напомнили – *монстры остаются монстрами, кобели – кобелями, а черти... Черти не способны на любовь*. Все закончилось, и теперь для Никиты я не больше чем любая из девчонок, с которыми он спал или игрался, гребаное доброе дело, что он успешно завершил и без каких-либо сожалений вычеркнул из дьявольского списка.

Глава 2

POV Никита

Свет фар озаряет темные ворота, за которыми виднеется бордовая крыша большого двухэтажного дома. Верчу телефон в пальцах правой руки, в левой зажата сигарета: это уже шестая, и она совершенно безвкусна. Выдыхаю дым, раздраженно скривившись. Сколько бы я ни сидел в машине, вряд ли смогу как следует подготовиться, лучше уже покончить с этим поскорее. Набираю сообщение, отправляю и выхожу на улицу. Поздний летний вечер оседает липкой пленкой на коже, слабый ветер треплет ветви и листья ореха, у которого мне знаком каждый сук и ветка. Раньше он неплохо выручал меня – помогал не оставаться голодным надолго, когда плодоносил. Опираюсь о бампер машины, делаю последнюю крепкую затяжку, глотая дым, и стреляю окурком в сторону, попав в неказистого вида кустарник. Не могу избавиться от мысли, что был бы охрененно рад увидеть, как все здесь запылает, но я, к сожалению, не за этим. Со двора доносится шорох тихих шагов, скрипит железная калитка. Сжимаю зубы, глядя вниз. Перед глазами появляются женские ступни, обутые в пыльные резиновые тапки на несколько размеров больше, чем нужно.

– Здравствуй, Никита. – Ее усталый голос все еще полон болезненной нежности.

– Все собрала? – сухо спрашиваю я, вытянув руку.

– Все, что ты просил.

В мою ладонь опускается край пухлой папки, перехватываю ее покрепче и распахиваю водительскую дверь.

– Может, зайдешь ненадолго? Выпьем чаю или просто... поговорим.

Ее гостеприимное предложение не вызывает у меня ничего, кроме брезгливой ухмылки. Забираюсь в машину, негромко пробормотав:

– Я дам знать, когда будут новости.

– Никита, я... мне так...

Закрываю дверь, заглушая сбивчивое лепетание. Бросаю папку на пассажирское сиденье, сдаю назад, отъезжая от двора, и уношусь прочь. Подальше от женщины, что совершила немыслимое количество ошибок, одна из которых, возможно самая большая, – я.

Покидаю город своего безобразного детства и отправляюсь в более приятное место, прогнав по проселочной дороге. Расул ожидаемо встречает у ворот, пропускает меня на территорию базы отдыха и семенит к машине. Получаю от дядьки крепкое рукопожатие и хлопок по плечу.

– Как добрался, Никитка?

– Как видишь, целым и невредимым, – отвечаю я, разжимая пальцы, а вот Расул не торопится меня отпускать: впирается цепким взглядом и пытается уловить настроение.

Когда несколько дней назад мне позвонил Марат, чтобы

сообщить о неожиданной гостье, пришедшей на порог со слезливой просьбой о помощи, я был готов забить на все большущий болт и не вмешиваться, только кое-что не позволило – чувство долга. Не перед этой женщиной, совсем нет, а перед братьями Джоновичами. Они и так сделали для меня слишком много, чтобы вешать на них еще и *это*.

– Голодный? – интересуется Расул.

– Нет. Я в душ и поеду, еще есть дела. Беседка моя не заперта?

– Открыта. Ключи внутри, а постельное и полотенца в комоде.

– Спасибо, старичок, – говорю я и разворачиваюсь.

– Никита! – напряженно окликает он. – Если нужна...

– Все под контролем, – обрываю серьезно и направляюсь к пруду, сам не слишком уверенный в том, о чем говорю. Контроль возможен в случае, когда за результат отвечает кто-то один, а у меня в уравнении слишком много нестабильных переменных.

Прохожу под стеклянный купол, стягиваю пропитавшуюся потом футболку и швыряю ее на диван. Достāju телефон из кармана, от количества уведомлений рябит в глазах, а двое суток почти без сна дают о себе знать легким гулом в висках. Позже все посмотрю, сейчас стоит наведаться к одному знакомому и стрясти должок. Заодно проветрюсь и гляну, как хорошо бывшие подопечные справляются без меня.

Прохладный душ дарит немного бодрости, а поездка по

ночной трассе поднимает настроение. За последние четыре месяца у меня было не так много поводов, чтобы вот так просто покататься. Работы в гостинично-развлекательном комплексе жопой жуй, туристический сезон в самом разгаре. Гостей валом, персонал безбожно косячит, но Михалыч в восторге, да и мне в целом тоже нравится. Режим лютый, все как привык. Пролетаю центр города и сворачиваю на одну из улиц, полную баров и клубов. Не без труда нахожу место для парковки и смотрю на преобразившуюся вывеску «Бешеной свинки», которая стала «Плохой». Не могу сказать, что сильно скучал, но ностальгия ощущается приятной щекоткой. Здесь было весело.

Перехожу дорогу, у входа в заведение меня встречает Димон и едва не выпрыгивает из штанов.

– Да ладно! – кричит фейсер. – Я думал, Дэн меня разводит!

– Здорово, боец, – хмыкаю я, пожимая протянутую ладонь. – А сам он где?

– Отошел.

– Ясно. Я тогда позже выйду, покурим. А пока зайду на поклон к нашему большому начальнику.

– Ждем! – резво отзывается Димон, и я не могу сдержать короткий смешок.

Немногие могут так искренне радоваться встрече со мной, кое-кто уж точно взбесился бы, но сегодня не ее смена. Спускаюсь в подвал, притормозив у подножия лестницы, чтобы

оценить ремонт и атмосферу. Лучше, чем я думал, но не так хорошо, как могло быть, если бы новая владелица не горела желанием открыть заведение поскорее. Взгляд скользит дальше к барной стойке, и тут окружение меркнет, оставляя во внимании лишь белое пятно, которое не омрачает даже черная рабочая форма. Тело реагирует мгновенно, напрягается каждая мышца, каждая вена и нерв. Вижу ее мельком, и этого достаточно, чтобы намертво приколотить меня к месту.

А она изменилась, хотя прошло всего ничего, и дело не в прическе и прочей визуальной мишуре. Мой взгляд становится еще резче, выхватывает каждую деталь: как Аня несет себя, как двигается, говорит, улыбается. Вот она отвечает что-то моему «клубничному тезке», и тот дергается, точно от пощечины. Неплохо. Затем Аня подходит к типу за баром, принимает у него заказ и отворачивается, собирая сразу несколько напитков. И это лучший момент, чтобы проскользнуть незамеченным. Да, сейчас, еще пару секунд, правда они пролетают катастрофически быстро. Аня замечает меня и замирает, роняя только что приготовленные коктейли. Смотрю в глаза Никитиной, и мой больной и вечно голодный зверь, сожравший сердце, пытается скинуть цепи, в которые пришлось заковать его в начале весны.

«Сиди на месте. Мы здесь не за этим», – мысленно приказываю я, но не могу лишиться себя удовольствия посмотреть на Аню поближе, раз уже все равно так дебильно спалился.

Неспешно подхожу к барной стойке, не отпуская взволнованные темно-голубые глаза, и не верю. *Ну ты-то куда, малышка? Не смотри на меня так, не смей.* Ей стоило бы швырнуть эти стаканы мне в голову или, еще лучше, сделать вид, что она меня не узнала. Откуда этот изумленный восторг в дрожащих ресницах? К чему эта бесячая улыбка слабости в уголках губ? Забыла, кто я? Ну ничего, напомню, это нетрудно.

– Поздравляю с приобретением, – заявляю небрежно.

– Что? – недоуменно переспрашивает Аня.

Ну же, малышка, очнись. Мармеладные клыки выпали, вместо них должны были вырасти настоящие. Покажи зубки, не давай мне повода для сомнений.

– Ты только что купила два коктейля вместе с бокалами, – поясняя раздраженно, и дело не только в реакции Ани, но и в моей. – Убирай и переделывай, гости ждут.

Ухожу, не оглядываясь, и знакомой дорогой быстро добираюсь до своего бывшего пристанища. Распахиваю дверь и тут же набрасываюсь на Макса:

– Нос, глаз или ухо?

– Чего? – морщится он, нервно заерзав в кресле.

– Всечь тебе куда? Даю право выбора, не чужие же люди.

– Клим...

– Какого хрена Никитина здесь делает? – задаю вопрос, что гремит у меня в голове, будто пушечный выстрел.

– Вышла на замену, я же отправил тебе сообщение.

– А домой ее отправить ты не додумался?

– Да?! – истерично вскрикивает Макс. – Ну иди и сам с ней поспори, раз такой умный! Попробуй заставить делать то, чего она не хочет! От кого вообще она переняла эти невыносимые замашки, как думаешь?!

Поглядываю на закрытую дверь. Значит, Аня и правда больше не дает себя в обиду? Рад это слышать, только моя кандидатура – все еще идиотский выбор в качестве примера для подражания. Ладно, плевать, я все равно ненадолго. Снова поворачиваюсь к Максиму, который по-прежнему выглядит как младенец в офисном прикиде, только теперь что-то уж слишком изможденный.

– А ты чего такой грустный? – спрашиваю на порядок уравновешеннее и сажусь на один из стульев рядом со столом. – Хер сосал невкусный?

– Ты издеваться приехал? – обиженно вздыхает Макс.

– Как удержаться, если ты такая легкая мишень?

– Иди в жопу!

– У-у-у... голос прорезался?

Вступаем в борьбу взглядов, Кислый держится довольно долго, но все-таки уступает. Отворачивается, закатив глаза, и проводит пятерней по светлой макушке, ероша короткие волосы. Мне даже спрашивать ничего не нужно, я точно знаю, что на работе все в порядке, зарплатой его не обидели, а значит – снова эти сраные сердечные дела.

– Выпьем? – предлагаю я.

– Ты вроде по делу заглянул, – недоверчиво подмечает Макс.

– Коньяк никогда не лишний.

Максим кивает и встает из-за стола. Рассеянно оглядывается, моргает пару раз, а затем спрашивает:

– Выйдем в зал?

– Вышли бы, если ты бы там гранату без чеки не бросил.

– Ты что, боишься? – Он насмешливо выгибает брови.

Смотрю на него снизу вверх, откинувшись на спинку стула. Вообще-то я и правда боюсь... боюсь, что не смогу сдержаться. Эта хрень всегда получалась у меня хуже всего. Хочешь – делай. Нравится – бери. Надоело – уходи. Правильно это или нет, я сам определял, сам себе разрешал и позволял, и только на Ане все свелось к ублюдскому «отпусти», потому что так было правильно конкретно для нее.

– Я из-за нее чуть двоих не замочил, – проговариваю обманчиво-весело. – Будешь третьим?

– Она по тебе скушает. – Макс бесстрашно тычет горячей палкой прямо в полный злых пчел улей. Мелкий романтичный псих.

– Какая прелесть.

– Клим...

– Кислый, не трать воздух, лучше тащи коньяк.

– И мы поговорим по душам?

– Мы выпьем, – поправляю я. – А если ты снимешь свои яйца с шеи и вернешь на законное место, то и поговорим, но

о чем-то менее сопливым и более интересном.

– Ну да, – хмыкает он. – Души-то у тебя нет.

– Как оригинально. В девчачьем паблике вычитал?

– Я по тебе вообще не скучал, – ворчит он, шагая к двери.

– Ты разбиваешь мне сердце, Кислый, а ведь у меня и его нет! – насмешливо кричу ему вслед.

Как и ожидалось, коньяк любую дрянную ситуацию делает вполне терпимой. В последнее время это единственное, что меня хоть немного расслабляет. Макс хвастливо повествует, как идут дела в «испортившейся хрюшке», и расспрашивает про гостиничный комплекс в горах, куда не смог поехать из-за своей суки-невесты. Обмениваемся новыми трешевыми историями, вспоминаем старые, говнимся на гостей, персонал и поставщиков. Через час, когда бутылка пустеет почти наполовину, а мой собеседник прилично пьянеет, звучит тот самый вопрос, из-за которого, собственно, я и приехал.

– Так что у тебя за дело, Клим?

– Вертел я такие дела, – отзываюсь устало, наливаю себе еще порцию «успокоительного» и тут же выпиваю, только кость в горле никуда не девается. До сих пор не могу поверить, что собираюсь в это влезть. – Ты как-то говорил, что у тебя в родственниках юрист есть. Я ничего не путаю?

– Двоюродный брат – адвокат, – подтверждает Максим и усиленно пытается вернуть на покрасневшую морду вменяемый вид. – У тебя что, проблемы? Гриша специализируется на гражданском праве, а не на уголовном, но у него навер-

няка есть знакомые.

– Гражданское подойдет, – отвечаю я, пропуская мимо ушей то, что Кислый всерьез считает меня возможным уголовником. Хотя кто его обвинит? Да и вряд ли он такой один. – Сможешь организовать мне встречу?

– Да, но насколько я знаю, он сейчас не в городе. Завтра наберу и все уточню. Насыпешь немного конкритики, чтобы я мог его подготовить?

– Наследство.

– Ох черт, Клим... – Макс огорченно качает головой. – Соболезную.

– И я тебе.

– В смысле? У меня никто не... не умер.

– А мозг?

Максим досадливо цокает, отвернувшись, а я поднимаюсь из-за стола, презрительно поглядывая на потолок, где висит датчик дыма. Кабинет – одно из немногих помещений, которых не коснулся ремонт, но эту херню они зачем-то починили.

– Он реально работает, – в очередной раз напоминает Макс. – Любопытно, как много бабок ты отстегивал только ради того, чтобы курить здесь?

– Ты лучше свои бабки считай, а не мои. Сколько обычно это занимает? Две секунды? Три?

Максим молчит, но сомнений в том, что я уже взбесил его до предела, нет. Пора прощаться, его и так дома мозгоебка

ждет. С силой бью ладонью по столу, Кислый содрогается, напрягая шею и плечи, округляет глаза и сжимает кулаки. Реакция все еще есть.

– Ну я пойду, – сообщаю мирно, – спасибо за гостеприимство.

– Вот на фига так делать? – тяжело выдыхает он, растирая ладонью грудную клетку.

– Чтобы ты не расслаблялся.

– Расслабишься тут.

– Буду ждать звонка, Кислый, – прощаюсь я и покидаю кабинет.

Зал уже плешивый, и это неудивительно: четверг, время близится к закрытию. Занято всего пять столов, а у бара три калеки и тип в клетчатой рубашке, напротив которого пристроилась Аня. Она улыбается ему, что-то увлеченно рассказывая, и я чувствую, как зверь внутри скалится и рычит, подначивая разорвать ушлепка на части. Из пасти вылетает хриплое и злобное: *«Мое. Это мое. Забери, укради, присвой, спрячь. Что хочешь делай, только верни ее мне»*. Резко сворачиваю в сторону кухни и по-хозяйски толкаю дверь, чтобы избежать стычки. Идея схватить за шкуру клетчатого и протащить вверх по лестнице кажется невероятно заманчивой. Здравуюсь с Радиком, закрывающим смену, перебрасываемся парой фраз, но надолго я не задерживаюсь. Выхожу на улицу через служебный и тут же закуриваю. Слишком близко. Слишком велик соблазн. Смакую во рту вкусы ко-

ньяка и сигаретного дыма и точно знаю, какого ингредиента не хватает для моего любимого коктейля. Сука! Не думал, что будет так тяжело. Где-то неподалеку кричит ворон, и я поднимаю голову, глядя в ночное небо на туманный свет полной луны. Нужно выпить еще.

Огибаю караоке, выхожу к дороге, прикидывая, в какой бар стоит отправиться, как вдруг слышу знакомый гогот. У главного входа в «свинку» стоят Димон и Дэн, последний впросительно разводит руками, заведя меня.

– Ты что, сбежать решил?!

– Хотел вас побереечь, – хмыкаю я, приближаясь к парням. – Но раз сами напрашиваетесь...

Завязывается разговор, дымят сигареты. Дэн делится новостью о скором пополнении в семье, Димон понтуется новой знакомой и ее подружкой, которые ждут его в гости после смены. Заманчиво.

– Ну что, поедешь? Гульнем, как раньше, – лукаво щурится он.

– Да, погнали, – соглашаюсь, не раздумывая.

– Тогда я сейчас позвоню и предупрежу.

Димон отступает в сторону, а Дэн укоризненно фыркает.

– Не завидуй, – глумливо говорю я.

– Было бы чему, – парирует он и смотрит чуточку пристальнее. – Так непривычно снова видеть тебя здесь. Ты долго?

– Уже выгоняешь?

– Неприятности ходят за тобой по пятам, Клим, а у нас тут теперь все прилично.

– Боишься, что я натворю дел, которые никто не сможет исправить?

– Знаю, что натворишь. – И стоит ему это произнести, как из караоке выходит Аня, а за ней тащится радостный клетчатый.

– Где ты припарковался? – спрашивает она.

– Чуть дальше, – отвечает он и кивает как раз в мою сторону.

Аня поворачивается, и я уже готов к новому общему приступу адского ступора, только малышка легким шагом направляется мимо. Разочарование бьет точно под дых, перед лицом что-то щелкает и слепит на секунду: забрало падает, тело движется рефлекторно. Цепляю плечом клетчатого, и он возмущенно вскрикивает, пошатнувшись:

– Эй, осторожнее!

Смотрю на него, но не произношу ни слова, жду более четкой реакции. Стоит хоть посмотреть, что он из себя представляет. Кого Никитина выбрала вместо меня?

– Матвей, поехали, – зовет Аня и хватает клетчатого за руку.

Ее пальцы на его запястье – еще один хук. Какая же мразотная драка, ударов не видно, оттого и не защититься, да и ответить мне особо нечем. Ну почти... По венам растекается лава, на лицо выползает улыбка. Аня тянет дружка за

собой, все еще не глядя на меня, и следующий выпад уже за мной.

– Хуйло клетчатое! – говорю громко и считаю про себя: три... два...

Парень, резво крутанувшись, несется на меня. Выпячивает грудь колесом и задирает нос, зашипев:

– Что ты сказал?!

Минус ему. Даже два. В таких ситуациях нужно бить, а не разговаривать. Где Аня его взяла, у церкви подобрала или у школы добродетели? Слабак и сыкло. *Браво, Аня, отличный выбор!*

– Проблемы со слухом? – Опускаю голову, чтобы оказаться с оппонентом лицом к лицу.

– А у тебя... – он позорно сглатывает, помедлив, – с ма-
нерами?

Смех дерет горло, но я терплю, иначе не смогу остановиться. Да передо мной гребаный парламентар! Скукотища. Собираюсь уже хорошенько приписать ему прямо с головы, но между нами влезает Аня, расталкивая в стороны. И если клетчатого ей удастся сдвинуть с места, то меня, разумеется, нет.

– Хорош! – твердо заявляет она, но я теперь могу думать лишь о том, что ее правая ладонь прижата к моей груди. Рука холодная и хрупкая, правда есть ощущение, что она без труда может проломить мне ребра.

Аня приподнимает подбородок, и наши взгляды встреча-

ются. В ее глазах шторм в океане, не меньше.

– Да, Никита, ты крутой. Покрасовался, молодец, возьми с полки пирожок. Мы все помним, на что ты способен, не обязательно так надрываться, – проговаривает она с гордым и уверенным пренебрежением.

– А вот это было хорошо, – киваю я.

– Я знаю, – дерзко бросает Аня и глазом не моргнув.

Затягиваю внутренние цепи, только это бесполезно. Зверь меня не слушается, ждет команды от нее. Предатель!

– Вы что, знакомы? – подает голос клетчатый, и я жалею, что не успел его ушатать. Он там сдохнуть не хочет? Было бы кстати.

Аня задумывается над вопросом. С интересом наблюдаю, как меняются эмоции на ее лице. Что она скажет? Как представит своему вафельному хахалю? Я заинтригован.

– Это... – Шторм вдруг стихает, вода в океане успокаивается и покрывается коркой льда. Аня убирает руку с моей груди, почти невесомо скользнув пальцами по животу, и отступает к клетчатому. – Мой друг.

Ее ответ хуже внезапной атаки битой со спины. Я ожидал чего угодно: знакомый, бывший, черт, в конце концов. Какой я ей друг?!

– Друг хороший, но как человек так себе экземпляр, – смешливо дополняет Аня, словно прочитав мои мысли. – Не думаю, что вам стоит знакомиться, Матвей.

– Клим, я договорился! Нас ждут! – кричит позади Ди-

мон, и это вообще не вовремя. Еще один кандидат на дырку в башке.

– Как замечательно, у всех свои дела. Хорошего вечера, Никита, была рада повидаться, – приторно-сладко улыбается Аня и хватает клетчатого под руку. – Матвей, поехали, я очень устала.

Они уходят, и все, что мне остается, так это смотреть им вслед. Клетчатый открывает Ане дверь серебристой иномарки, но прежде чем сесть, малышка бросает в меня еще один убийственно прямой взгляд. В ушах стоит свист призрачного тонкого клинка, цепи разрублены в миг, и зверь слышит четкую команду ласкового голоса, ее голоса: «*Взять!*» Хлопок двери. Еще один. Рев мотора. Машина отъезжает и скрывается за ближайшим поворотом.

На плечо опускается горячая ладонь, и я слышу рядом довольный голос Дэна:

– Дать закурить?

– Странно, что ты не вмешался, – размышляю я вслух.

Охранник протягивает мне открытую пачку сигарет, дожидается, пока я возьму одну, и чиркает зажигалкой у лица. Затем закуривает сам и выдыхает дым, широко улыбаясь.

– А я на нее поставил, – наконец отвечает он, – и не прогадал.

– Что я пропустил?

– Заткнись, – рывкаю на Димона и обращаюсь к Дэну: – Поясни-ка.

– Что пояснить? Что кнопка тебя уделала, причем твоими же методами? – смеется он. – Неужели сам не заметил? Она никого тебе не напомнила? Это же ты, только симпатичнее.

«А то я, блять, не догадался, кого она изображает», – злюсь мысленно.

– Совсем не похоже, – отмахиваюсь вслух.

– Очень даже похоже, – настойчиво спорит Дэн.

– И часто она так?

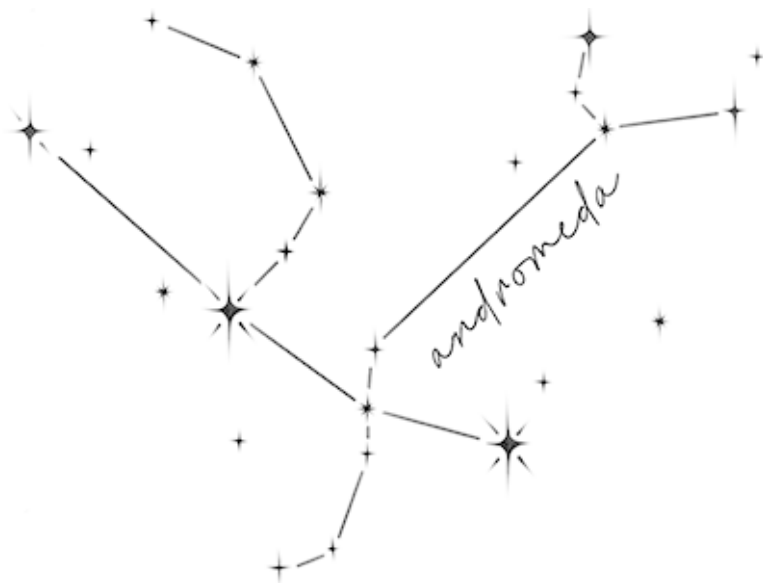
Он неопределенно пожимает плечами, и можно было бы дальше расспрашивать, но зачем, когда есть источник информации понадежнее. Никитина ведь должна понимать, что сама пригласила меня на дружескую беседу, раз уж так нагло слямзила мои приколы и вдобавок решила еще продемонстрировать это в моем присутствии? Стреляю сигаретой в урну и небрежно взмахиваю рукой на прощание парням:

– Пока.

– Клим! – зовет Димон. – А как же девчонки?!

– Обе твои! Развлекайся!

Глава 3

POV Аня

Дорога неспешно уводит прочь из квартала сомнительных развлечений, кондиционер нагоняет в автомобильный салон прохладный воздух. Незаметно перевожу дыхание, правая ладонь горит, словно я сунула ее в костер несколько минут

назад, а сердце колотится с запредельной скоростью. Оно уже отвыкло от таких нагрузок, да и я подзабыла, каково это: чувствовать на себе сжимающий горло взгляд, слышать пугающий, хриплый голос, от которого слабеют мышцы и разжижается мозг. Никита и правда здесь, выпрыгнул из преисподней, чтобы заняться своим любимым делом – кошмарить всех вокруг.

– Это действительно твой друг? – недоверчиво уточняет Матвей, ведя машину с особой осторожностью, ведь родители не обрадуются халатному отношению сына к дорожному подарку.

– Угу, – отзываюсь я и отворачиваюсь к окну, за которым проплывают городские огни.

– Жуткий тип.

– Есть такое. – Тихонько усмехаюсь, ничуть не удивившись подобному выводу.

Те, кто встречает Никиту впервые, могут сделать лишь один вывод – псих, и они не ошибутся. Только я видела куда больше, чем эта устрашающая оболочка, – по крайней мере, мне все еще хочется в это верить. Никита всегда был слишком сложным для понимания, непригодным для дрессировки и манипуляций, непредсказуемым и резким в словах и поступках, но его принцип «делаю что хочу» – подсказка, пусть и невнятная. К чему именно была эта сценка у выхода? Какова цель? Проверка моей прочности из праздного любопытства? Издевка с желанием потешить непомерное эго? Похо-

же на Никиту, но кое-что не сходится. Пожелай он унижить меня или вывести из себя Матвея, добился бы своего в два счета. У Никиты достаточно аргументов, чтобы стереть мою самооценку в пыль и, без сомнений, хватает дури для драки на пустом месте, но нет, он отступил и отпустил. Зачем? Откуда эта постановочная щедрость? Совсем не его стиль. Еще несколько месяцев назад я, наверное, обрадовалась бы такой красивой и безоговорочной победе, даже возгордилась бы собственной крутостью, ведь у меня совсем неплохо получилось поставить Никиту на место, но случившееся не больше чем фарс. Я знаю это, слышу внутренний рокот: *«Не обольщайся, мальшика, мы не закончили»*. Волнение рассыпает мурашки по коже, и я отвечаю миражу, рожденному из порочного помешательства: *«На это и был расчет, чертила. Мне тоже есть что тебе сказать»*.

– И давно ты с ним знакома? Почему я не видел его раньше? Он вообще местный? Сколько ему лет? – спрашивает Матвей, отвлекая меня от внутреннего диалога.

Матвей очень любознательный – хочет все знать, сыплет вопросами как из пулемета. Иногда это умиляет, иногда утомляет, но в заинтересованности и есть суть общения. Поворачиваясь влево, встретив ясный бесхитростный взгляд. Густые пшеничные волосы и крупный вздернутый нос делают Матвея похожим на милого домовенка. Простого, безопасного, не скрывающего ни чувств, ни эмоций.

– Ты и родителей моих не видел, но это не значит, что их

нет, – иронично отвечаю я.

– Ха-ха, а вот и мастерица ухода от ответов, – подтрунивает он. – Я же серьезно. Просто он... как бы это... Странный. Уж точно не похож на того, с кем стоит дружить.

– И это *ты* говоришь о странностях?

– Хочешь сказать, я тоже чем-то отличаюсь? – Матвей забавно кривляется, выпучив глаза.

– Ты считаешь конфеты «Эм-энд-Эмс» в пачке каждый раз, прежде чем съесть их!

– Мне просто любопытно! – оправдывается он, рассмеявшись. – Ну а ты тогда... ты-ы-ы... Знаешь слова всех песен Скриптонита и ищешь в них смысл! Разве это не странно?

– Эй! В них есть смысл!

– Серьезно? «Сука – это враг, конский – друг...»⁴ – цитирует Матвей. – Что это вообще значит?

– Отвянь! – хихикаю я, легонько шлепнув его по плечу. – Сойдемся на том, что все мы немного сумасшедшие, просто сходим с ума по-разному.

– Идет, – весело соглашается Матвей, а после заговаривает тише, будто признается в страшной тайне: – Я вот, например, схожу с ума из-за того, что одна девушка без конца переносит наши свидания.

Неловкая пауза сопровождается гулом мотора и шорохом колес. Автомобиль сворачивает во двор многоэтажных домов и останавливается у подъезда.

⁴ Строки из песни «Ага, ну» Скриптонита.

— Аня... — зовет Матвей, заглушив двигатель, что значит, продолжения разговора не избежать. — Я не хочу давить, не хочу надоедать. Мне нравится проводить с тобой время даже на работе, но было бы прикольно пообщаться и в других ролях, не только как бармен и посетитель.

— Да, я понимаю.

— Тогда что скажешь насчет завтра? — В его интонации столько уязвимой надежды, что мне становится немного со-вестно. Я чувствую его симпатию, и, несмотря на громкие заявления, она отнюдь не дружеская.

— Матвей, я...

— Не надо. Я уже понял, что ты сейчас не настроена на от-ношения, и готов держать дистанцию столько, сколько будет нужно.

— Вопрос в том, нужно ли это тебе?

Он нежно улыбается, глядя мне в глаза, и смущенно про-износит:

— Я же здесь. И я ничего не прошу, кроме крошечного шанса, чтобы мы могли узнать друг друга лучше.

Отвожу взгляд, задумавшись. Сколько останется от сим-патии Матвея, если он действительно узнает меня лучше? Смогу ли я доверять ему так же, как... Вдох встает попе-рек горла, мысль не закончить, все слишком неоднозначно и запутанно, а еще я действительно вымоталась за последние дни.

— Слушай, я жутко устала, еле глаза держу открытыми. Мы

можем обсудить это позже?

– Да, конечно. Прости.

Матвей выходит из машины, огибает ее и открывает пассажирскую дверь, протянув мне руку. Касаюсь его ладони, ощутив опору и тепло пальцев. Красивый жест от понимающего и внимательного парня, не лишённого доброго чувства юмора и светлого очарования. Что еще нужно? Чего желать? Матвей дает мне пространство для маневра, дает время, чтобы принять решение, а не пытается продавить собственное. Небо и земля по сравнению с прошлым опытом, только есть жирный нюанс – я слишком хорошо знаю, как талантливо люди могут притворяться хорошими и как долго они готовы водить тебя за нос, чтобы получить то, чего хотят. Мой уровень доверия к миру уже давно покоится на дне Марианской впадины, приходится быть осторожной.

Мягкий хлопок двери подталкивает к прощанию. Матвей замирает в трогательном ожидании, ведь я так и не ответила на вопрос о планах на завтра. Сомнения беснуются во мне, колют и царапают, и все-таки я принимаю решение исходя из собственных интересов, а не опираясь на чужие. Доверять кому-либо все еще непросто, но мой островок безопасности, собранный руками Никиты, не прослужит долго, уже сегодня он заметно потрескался. Нужно учиться строить что-то самостоятельно, налаживать связи, расширять круг общения, набираться опыта не только как бармен, но и как личность.

– Во сколько завтра встречаемся? – интересуюсь я.

Матвей, довольно восторженно, делает небольшой шаг вперед. Его глаза блестят, отражая свет уличных фонарей, на щеках проступает едва заметный румянец.

– Если заеду к шести, успеешь выспаться?

– Постараюсь.

– Супер! – искристо улыбается он и разводит руки, чтобы в следующий миг крепко меня обнять.

Невольно задерживаю дыхание и похлопываю Матвея по спине. Бегут секунды, а меж лопаток стекает холодок. Это не первые наши объятия, но я все равно не могу привыкнуть к такому тесному контакту, поэтому и предпочитаю общение через барную стойку. Удобно, конечно, но и там не получится прятаться вечно.

– Спасибо, что подвез, – говорю, отстраняясь, и нервно сцепляю пальцы в замок.

– Всегда рад! – бойко отвечает Матвей и чуть ли не вприпрыжку спешит к водительской двери, распахивает ее и смотрит на меня поверх крыши машины. – Спокойной ночи, сучка! – выдает он сиплым голосом, подражая манере любимого мною артиста.

– Больше никогда так не делай! – наказываю я, сдерживая смех.

– Не похоже?

– Не идет!

– Ладно. – Матвей дурашливо закатывает глаза, все-таки заставляя меня улыбнуться. – Увидимся завтра, Аня!

– До завтра! – прощаюсь добродушно.

Направляюсь к подъезду, скованность в плечах и напряжение в позвонках отчего-то не проходят. Позади урчит мотор, шуршит асфальт. Останавливаюсь у двери и оглядываюсь, но не затем, чтобы проводить взглядом машину Матвея. Осматриваю двор, окутанный мраком летней ночи. Ничего и никого подозрительного: темные кроны деревьев, фонари у детской площадки, машины на парковке. Наверное, просто показалось.

Поднимаюсь на шестой этаж, вхожу в студию, запираю дверь и кладу связку ключей на этажерку. Тяжелый вздох срысывается с губ, и я сбрасываю с себя невидимые, но невероятно тяжелые латы, которые приходится таскать везде, кроме этой квартиры. Душу охватывает привычная домашняя печаль, опасения и разочарования гудят в тишине. Обстановка, что еще сегодня утром дарила ощущение безопасности, давит со всех сторон и ядовито нашептывает: *«Он здесь. Он здесь. Он здесь»*.

Да, все так. А что толку? Память – хитрая дрянь. С течением времени она оставляет яркими и четкими только хорошие моменты, а плохие размывает и искажает. Психологическая защита, внутренний гипноз. Мне было приятно думать о Никите, скучать по нему и дням, что мы провели вместе, но, увидев его воочию, я вспомнила все остальное. Как мучилась догадками, изводила себя домыслами и теориями. Пыталась играть на равных, не зная правил, и каждый раз по-

зорно проигрывала. Как старалась понять его, соответствовать, впечатлить. И вот он вернулся, но... Разве что-то изменилось? Если только в моих мечтах, там-то все по классике – и жили они долго, любили сильно, горели ярко и спасали друг друга до самой смерти. «Влажные фантазии», – сказал бы Никита, и я не смогла бы поспорить. Он все тот же, черт-одиночка, у которого один путь, его собственный, а я уже не настолько наивна, чтобы пытаться его изменить. И все-таки... все-таки есть кое-что, что мне хотелось бы сказать Никите лично.

Подхожу к шкафу, открываю дверцу и провожу пальцами по мягкой коже куртки, чуть наклонившись, чтобы вдохнуть уже едва уловимый аромат парфюма. Интересно, оценил ли Никита мою браваду? Получилось ли выторговать немного его времени? Надеюсь, что да. Последний взгляд был полон пылающего обещания, и я готова подождать еще немного, чтобы наконец-то встретиться лицом к лицу. Забираюсь в карман куртки, достаю пачку сигарет и зажигалку. Прихватив телефон из сумки, иду к окну в кухонной зоне, открываю обе створки и залезаю на подоконник. Включаю любимый плейлист, первая песня режет по живому и тут же прижигает раны: SMOGWIN, «Танцуй со мной в темноте». Взгляд по привычке тянется к небу, луна где-то спряталась, звезд не видно, но меня это не расстраивает. Я больше не верю в мистическую силу небесных светил, желания они точно не исполняют, их роль иная. Звезды – не созидатели, а указа-

тели. Они подсвечивают, направляют и подсказывают, чего именно тебе не хватает, помогают разглядеть за туманными выдумками истинные мечты.

Закуриваю, упершись затылком в оконную раму, и тут коротко вибрирует телефон. Беру его, ожидая увидеть пожелания сладких снов от Матвея, но сообщение отправлено с незнакомого номера.

XXX:

Выкинь немедленно

Смотрю в экран, буквы пляшут, как на дискотеке. Следующее послание не заставляет себя ждать, и оно же все проясняет.

XXX:

Я сейчас поднимусь

и потушу ее о твой язык

Перевожу взгляд на сигарету, зажатую между пальцами, и испуганно сглатываю. Я, конечно, хотела встретиться с Никитой и поговорить, но не так и уж точно не здесь. И хватило же наглости заявиться! Хотя чего это я? Подобного добра у него в избытке. Мышцы шеи ноют в желании повернуться и взглянуть во двор, но я не решаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.